

УДК 159.9(470.341)

**СТАНОВЛЕНИЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В НИЖЕГОРОДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: 1919–1921 гг.**

© 2009 г.

Н.Ю. Стоюхина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

Natasto@rambler.ru

Поступила в редакцию 27.10.2008

Рассказывается о трудном для университета времени – начале 20-х гг. XX в., когда сюда приехали работать три молодых преподавателя – А.Ф. Лосев, Н.В. Петровский и П.С. Попов, ставшие в дальнейшем известными в своих научных отраслях – философии, психологии и логике соответственно.

Ключевые слова: Нижегородский государственный университет, Психологический институт Г.И. Челпанова, философия, психология, психотехника, логике, имясловие.

Нижегородский государственный университет был основан в 1918 г. на базе существовавшего с 1916 г. народного университета. Много известных имен своих выпускников дал университет науке за эти десятилетия, много знаменитых имен педагогов-ученых, чьи судьбы преломились в истории страны и науки, которой они служили, отмечены в истории университета.

О трех молодых ученых, волей времени оказавшихся в Нижегородском университете в период с 1919 по 1921 гг., писал несколько лет назад А.П. Чернов, ученый и преподаватель-психолог Нижегородского университета [1].

После революционных потрясений 1917 г. молодой республике было не до науки. Ученым платили очень мало, жить было не на что, поэтому трое молодых ученых – выпускников историко-филологического факультета Московского университета, успешно сдавшие магистерские экзамены, приехали в 1919 г. в недавно открывшийся университет Нижнего Новгорода. «Ученые-энтузиасты ехали не только учить, они ехали за заработком и, главное, за хлебом, запасшись бесчисленными охранными бумажками, спасаясь от бдительности заградотрядов; все стали мешочниками» [2, с. 75]. Все трое были учениками Г.И. Челпанова: Алексей Федорович Лосев (1893–1988), Николай Васильевич Петровский (1890–?) и Павел Сергеевич Попов (1892–1964). Судьбы их, встретившиеся еще в Московском университете, затем объединившие их в небольшом по времени периоде в Нижегородском университете, в дальнейшем сложилась по-разному. Нам хотелось

бы немного рассказать об этих ученых, внесших традиции философско-психологической школы Московского университета в Нижегородский университет.

О Николае Васильевиче Петровском, к сожалению, известно немного. Уроженец Рязанской области, в 1915 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета, слушатель Психологического института, участвовал в семинариях по экспериментальной психологии и теоретическом Г.И. Челпанова, где, по сохранившимся сведениям, им был прочитан доклад «Единство сознания по Гартману».

По информации, собранной А.П. Черновым, за два года работы в Нижегородском университете карьера Н.В. Петровского развивалась таким образом: вначале назначенный преподавателем по нескольким предметам психолого-педагогического цикла, он с энтузиазмом принялся организовывать психологическую лабораторию, для чего поехал в село Юрино Васильсурского уезда, где после революции в бывшем имении Шереметевых разместился кадетский Аракчеевский корпус, имевший свой психологический кабинет. Военная гимназия просуществовала в имении недолго, её имущество передали властям с. Юрина. Для переговоров с ними о приобретении оборудования для университета и ездил Н.В. Петровский. Он также ездил в командировку в Москву для покупки приборов для той же психологической лаборатории университета.

Молодого ученого в октябре 1919 г. выбирают и.о. декана историко-филологического

факультета, а А.Ф. Лосева – его заместителем. Н.В. Петровский активно участвовал в работе университета и как организатор, и как педагог, сочетая нижегородскую жизнь с московской, т.к. часто бывал в Психологическом институте, участвуя в работе семинаров Г.И. Челпанова по психологии труда, проводил экспериментальные исследования, приглашался в институт дефектологии для обследования умственно отсталых детей [1]. В ноябре 1920 г. его избирают на должность профессора по кафедре психологии в Нижегородском университете.

Другой молодой ученый – А.Ф. Лосев, бывший магистр Московского государственного университета, был определен на должность профессора в феврале 1919 г. [3]. Он читает историю греческой литературы классического периода, историю древней философии, пропедевтический курс греческого языка и такой же курс латинского языка, ведет семинарии по этике Аристотеля. Целью программ по этим курсам было «синтетическое восприятие античности как культурно-исторического типа». «На заре своей научной деятельности Алексей Федорович, таким образом, уже поставил вопрос об античности как типе культуры... В этой, казалось бы, учебной программе звучат любимые лосевские темы, узнающиеся нами в дипломной работе об Эсхиле, в консерваторских лекциях по истории эстетических учений, в мифологических трудах и эстетике зрелого Лосева. Не напрасно ездил в Нижний Алексей Федорович. Он оттачивал там, в лекциях студентам, свои заветные идеи, заострял их, проверял на аудитории, вживался в них», – пишет о Нижегородском периоде Лосева его жена и соратник А.А. Тахо-Годи [2, с. 75–76].

«Жизнь приехавшей ученой молодежи была крайне насыщена. Вели большую культурную работу, кроме обычных лекций, устраивали кружки, дискуссии, делали доклады, спорили. Лосев с увлечением просвещал нижегородцев музыкальной классикой. Читал лекции о Бетховене, Вагнере, Римском-Корсакове, Чайковском» [там же].

В марте 1921 г. в педагогическом кружке Нижегородского университета он делает доклад «О методах религиозного воспитания», где особое внимание уделяет вопросу воспитания безрелигиозных детей, «которое он сам испытал на внимательном изучении с ними художественной литературы, в личном общении и спорах. Он свидетель того, как его безрелигиозные ученицы благоговели перед тайной и начинали

прислушиваться к учителю. Так он обратил в веру свою любимую ученицу... привлекая ее внимание к «потoku сознания» Джемса, другую ученицу... читая с ней Карамзина, «Бедную Лизу»; третью – на поэзии Тютчева и таким методом – многих. Главное, считал молодой воспитатель душ, «личная убежденность и вера в свое дело и его правоту» [2, с. 62].

Ученик Г.И. Челпанова А.Ф. Лосев заявляет о себе глубокими научными работами, например, «Обзор и критика основных учений Вюрцбургской школы» [2, с. 74]. Или статья «Русская философия», написанная Лосевым в 1919 г. на немецком языке и затерянная почти на 70 лет... Молодой ученый, которому было тогда только 26 лет, формулирует общие особенности русской философии: «Русской философии, в отличие от европейской, чуждо стремление к абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов. Она представляет собой чисто внутреннее, интуитивное, чисто мистическое познание сущего, его скрытых глубин, которые могут быть постигнуты не посредством сведения к логическим понятиям и определениям, а только в символе, в образе посредством силы воображения и внутренней жизненной подвижности. Русская философия неразрывно связана с действительной жизнью, поэтому она часто является в виде публицистики, которая берет начало в общем духе времени, со всеми его положительными и отрицательными сторонами, со всеми его радостями и страданиями, со всем его порядком и хаосом... В связи с этой «живостью» русской философской мысли находится тот факт, что художественная литература является кладом самобытной русской философии... И эти проблемы разрешаются здесь таким образом, что непредубежденный и сведущий судья назовет эти решения не просто «литературными» или «художественными», но философскими и гениальными» [4, с. 39]. В этом очерке А.Ф. Лосев пишет о философии Григория Сковороды, славянофилов, Владимира Соловьева, отмечая вклад С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, А.И. Введенского, Г.И. Челпанова. Заканчивает свои размышления А.Ф. Лосев так: «Самостоятельная русская философия, поднимавшаяся на ступень апокалиптической напряженности, уже стоит на пороге нового откровения, возможно, также и новой кристаллизации этого откровения, то есть новых догм» [4, с. 47].

Следующий молодой московский ученый, приехавший в Нижний Новгород, – Павел Сер-

геевич Попов – философ и литературовед, один из ближайших друзей М.А. Булгакова, автор первого булгаковского биографического очерка, написанного в 1940 г. вскоре после смерти писателя, но опубликованного только в 1991 г. Попов родился в 1892 г. в г. Иваново в семье крупного суконного фабриканта Сергея Максимовича Попова (1862–1934). Окончил гимназию, а в 1915 г. – историко-филологический факультет Московского университета. Как и Петровский, участвовал в теоретическом семинарии и семинарии по экспериментальной психологии Г.И. Челпанова, где, по сохранившимся сведениям, им был прочитан доклад «О личности по Липпсу». Был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию.

П.С. Попов стал печататься очень рано. Еще до революции были опубликованы в журнале «Вопросы философии и психологии» его глубокие философско-психологические статьи. Работа «Значение учения Локка о качествах в истории новой философии» начинается иронической репликой автора по поводу современного ему видения философских идей Нового времени: «после застоя мысли средневековой схоластики философия дала ряд выдающихся мирозерцаний, которые лучше всего охарактеризовать как догматические... По данной схеме Локк, как мыслитель, не представляет из себя ничего твердого, ничего окончательного. Он представляется мыслителем чрезвычайно половинчатым; поэтому взор философствующего ума быстрым движением переходит от его философии к Беркли и т.д... Не увидим ли мы в Локке чего-либо положительного, чего-нибудь не устраненного критикой последующих за ним мыслителей?» [5, с. 546–548]. И после обстоятельного анализа учения Локка П.С. Попов заключает: «Локк дал вполне убедительную базу для спиритуалистического реализма своим гносеологическим учением о качествах. Философия могла бы вполне воспользоваться этим учением для построения цельной системы на данных началах» [5, с. 581]. В статье «Учение Лейбница об апперцепции как обоснование творческого развития психических сил» [6] он, замечая несомненные успехи современной эмпирической психологии, практически предостерегает психологов от забывчивости: «собственному учению Лейбница грозит опасность в современной психологической литературе. Теперь многочисленные исследователи апперцепции не интересуются взглядами Лейбница как таковыми, а берут или, вернее, вырывают из них то,

что подходит к учениям представителей современного апперцептивного направления. У таких критиков учение Лейбница – лишь незначительная прелюдия то к Вундту, то к Авенариусу... Пора напомнить истинный метафизический смысл его учения об апперцепции, тем более что именно отсутствие принципиально-теоретического обсуждения вопроса об апперцепции составляет главный изъян у современных представителей разбираемого направления» [6, с. 39].

В бытность работы в Нижнем Новгороде, Попов был профессором Нижегородского университета, где читал курсы философии и логики, вел занятия по латинскому языку. Как пишет А.П. Чернов, П.С. Попова командировали в с. Юрино, где в бывшем имении Шереметевых он осматривает архив и библиотеку, состоявшую преимущественно из книг на иностранных языках, для дальнейшего их использования в библиотеке Нижегородского университета. «В 1919–1920 учебном году обсуждался вопрос об организации на историко-филологическом факультете кафедры педагогики. Ученый совет университета запросил мотивированное обоснование этого проекта. П.С. Попов блестяще выполнил эту задачу: в специальной докладной записке он обрисовал положение этой дисциплины в русских и зарубежных университетах и аргументированно обосновал необходимость создания самостоятельной кафедры педагогики. А.Ф. Лосев был полностью согласен с этими аргументами и вместе с П.С. Поповым подписал докладную записку, будучи не только солидарным коллегой, но и официальным представителем деканата. Документ был направлен в соответствующие инстанции от имени двух молодых ученых, хорошо знающих состояние, основную проблематику и прогрессивные тенденции в развитии тех наук, которым они посвятили свою жизнь» [1, с. 253].

Вот такие научные интересы были у молодых московских ученых, ветром революции занесенных в недавно открывшийся университет провинциального Нижнего Новгорода.

Летом 1921 г. в связи с реорганизацией вузов закрывают историко-филологический факультет с перспективой открытия новой структуры – факультета общественных наук. Н.В. Петровский, А.Ф. Лосев и П.С. Попов уезжают в Москву на каникулы и уже не возвращаются в Нижний Новгород, т.к. работы для них нет. 8 ноября 1921 г. приказом ректора они «увольняются от должности профессора за неприбытием к исполнению служебных обязанностей»

[1]. Они нашли работу в Москве, причем их научные интересы довольно скоро стали определяться в соответствии с определённой отраслью научного знания: психология, философия, логика.

Как дальше складывается жизнь Николая Васильевича Петровского, мы можем судить только по его сохранившимся публикациям. В 1923 г. он выступает на съезде по психоневрологии вместе с другими сотрудниками Московского психологического института. В своем докладе «Психологическая природа сознания реальности» он «дает психологический анализ различий в сознании реальности при переживании, с одной стороны, восприятий, с другой – представлений, галлюцинаций, сновидений, образов фантазии в детских играх и детской лжи, художественных восприятиях, псевдогаллюцинациях и т.д. Анализ этих переживаний приводит к выводу, что сознание реальности есть особый характер отношения к предмету. Психологическую основу сознания реальности нужно искать в особенностях эмоционально-волевого опыта, специфически различенного для разных видов переживаний. Этот вывод открывает новые возможности толкования патологических и эстетических переживаний и представляет, таким образом, интерес не только для психологии, но и для психопатологии и эстетики» [7, с. 17]. Как пишет участница съезда П.О. Эфрусси, «доклад Н.В. Петровского представляет особый интерес в том отношении, что показывает, как с помощью углубленного анализа современная психология все с большей точностью восстанавливает в описании полноту непосредственных переживаний и тем самым освобождается от чрезмерного интеллектуализма» [7, с. 17]. Надо сказать, что все доклады учеников и сотрудников Г.И. Челпанова заслужили высокую оценку современников отчетливой постановкой проблемы, знанием тонкостей методик, соответствующим уровнем современной экспериментальной психологии, глубоким знакомством с научной литературой, стремлением достигнуть при обработке результатов возможной в этой области меры точности – все эти черты характеризовали школу Г.И. Челпанова в целом.

Далее на протяжении 1920-х гг. Николай Васильевич занимался вопросами новой активно развивающейся отрасли психологии – психотехники, интерес к которой охватил все отрасли народного хозяйства страны. Он опубликовал несколько работ (часть которых нами установлена). Названия работ свидетельствуют

об увлеченности их автора психотехникой: «Опыт исследования умственной одаренности взрослых в Америке» (1925), «Психология шахматной игры на основе психотехнических испытаний участников Международного шахматного турнира в Москве в 1925 г.» (совм. с И.Н. Дьяковым и П.А. Рудиком, 1926), «Психотехники в коммунальном деле в местном транспорте» (совм. с И.Н. Дьяковым, 1928), «Выбор профессии и одаренность. Популярный очерк с приложением примерных тестов» (1929).

Нам хотелось бы особо обратить внимание на первую книгу в вышеприведенном списке: «Опыт исследования умственной одаренности взрослых в Америке», оригинальную по содержанию. На фоне многочисленных описаний экспериментальных исследований, выполненных, как правило, авторами, и стремящихся поделиться собственным опытом, «Опыт исследования...» представляет собой подробное описание огромного по масштабу психологического экспериментального исследования одаренности. Подобных исследований в мировой психологии не проводилось и, может быть, Петровского привлек этот масштабный проект перспективами применения его в нашей стране.

Петровский пишет, что «работа психологов по исследованию одаренности осуществлялась как задание, продиктованное государственными интересами... Государство дало необходимые средства (в самом начале на работу психологов был ассигнован миллион долларов), привлекло виднейших представителей науки в качестве руководителей, сообщило единство плана исследования и создало единую организацию с мощным научным и техническим аппаратом» [8, с. 20]. Начавшийся в апреле 1917 г., этот эксперимент объединил усилия всех американских ученых, в то время как исследования их коллег во Франции и Англии носили разрозненный характер. Среди руководителей работ были Yerkes, Terman, Thorndaik, Goddard, Whipple. «Психологическая работа в армии преследовала различные цели: отбор лиц для специальных родов службы путем исследования одаренности или пригодности к выполнению специальных требований; выработку наилучших методов обучения, исследование общей одаренности призванных и пр.» [8, с. 21]. Исследование общей одаренности охватило всю армию Соединенных Штатов. Как это часто случается, полученные результаты оказались возможным использовать для гораздо более широких целей, чем те, которые ставились вна-

чале. Вместо исследований для обнаружения явлений, относящихся к области невропатологии и психиатрии, стала проводиться работа, теснейшим образом связанная с задачами, стоящими перед генеральным штабом и отделом личного состава административного управления армии. Так, результаты исследований оказались возможным использовать в следующих направлениях: для определения одаренности отдельных лиц, для отбора лиц на более высокие и специальные должности, для выделения в рабочие батальоны негодных для регулярного обучения, для выделения лиц на офицерские должности, для отбора лиц в специальные школы, для выделения специальных учебных команд, для выделения лиц совершенно негодных к выполнению военных обязанностей. Тщательно выбранные методики исследования, предварительно подвергнутые длительной и всесторонней оценке, позволили провести исследование на выборке более 1 726 966 испытуемых, из них 41 тыс. офицеров. Индивидуальному исследованию было подвергнуто около 83 тыс. Свыше 7800 человек (0.5%) были представлены к немедленному увольнению, «как совершенно негодный для армии балласт, не могущий оправдать своей работой затрат по содержанию, обучению и снаряжению. 10 014 человек (0.6%) предназначены только к несению нестроевой службы. 9487 человек (0.6%) рекомендованы для отправки в учебные батальоны для наблюдения и предварительного обучения. Из остальных 30% оказались неспособными для работы, требующей умения читать и писать или вообще более высокого умственного труда» [8, с. 41]. Значение научно-психологического опыта по исследованию взрослых, проведенного в Америке, не исчерпывается узкопрактическими выводами для определенного момента политической жизни в Америке. Перспективы таких исследований высоко оценили ученые Terman и Thorndaik, учитывая возможность проведения их в разных сферах, в том числе педагогической практике.

Сам Н.В. Петровский, проанализировав работу американских психологов, утверждает: «Не меньшую услугу могут оказать психологические исследования и для постановки педагогического дела в школах при распределении учебных групп... Принцип индивидуализации педагогических приемов является неоспоримым положением современной педагогики. Смешение в одну группу высоко одаренных и лиц, мало способных, должно послужить ко вреду и

тех и других. Равнение по среднему ученику является очень рискованным приемом в педагогическом отношении как в интересах учащегося, так и общества... Во многих случаях педагогу остается неясным, путем каких усилий достигаются успехи ученика. Психическое и физическое обследование... заставит с осторожностью и вдумчивостью относиться к особенностям жизни и работы учащихся и к характеру педагогической работы, учитывая всю серьезность влияния ее на судьбу учащегося. Интересы учащихся должны постоянно стоять в центре внимания педагога, и всякие случаи успешности или неуспешности должны, прежде всего, находить строго обоснованное объяснение» [8, с. 48].

Оценивая научно-психологическую работу, проделанную в Америке, автор говорит, что пример Америки является убедительной демонстрацией той мощи, которую представляют объединенные и сконцентрированные на одной научной проблеме усилия ученых страны, поддержанные заинтересованными в их работе обществом и государством. И все же, предостерегает он, необходима крайняя осторожность в выводах относительно отдельных лиц, и главным условием научной и практической ценности исследования является наличие психологического образования у лиц, участвующих в экспериментальной психологической работе.

Н.В. Петровский на основании тщательного изучения работы американских психологов составил альбом задач, из которых состояли главные исследования в американской армии для психофизиологического кабинета Военной академии РККА.

Павел Сергеевич Попов после того возвращения в Москву читал курс логики в московском Институте слова. От разработки философских проблем гносеологического порядка он стал постепенно переходить на проблемы логики, на литературоведение. Для себя же углублялся в чтение ранних христианских философов и философии Средневековья. С 1923 г. Попов, работая в Государственной академии художественных наук (ГАХН), написал несколько интересных работ, которые нельзя охарактеризовать как относящиеся к какой-то одной области знания. Например, в статье «М.Ф. Орлов и 14 декабря» [9] П.С. Попов выступает как серьезный историк, также блестяще владеющий психологическим анализом. В центре изложения находится фигура генерал-майора Орлова, интеллектуала, члена Союза благоденствия, вдохновителя того умонастроения, которое легло в

основание плана учреждения в России тайных обществ. Автор отмечает противоречивость натуры и поведения Орлова во время его ареста и последующих допросов, объясняет причину недоверия к нему как со стороны декабристов, так и со стороны императора. Учитывая время написания статьи – 1925 г. (журнал вышел к 100-летию восстания декабристов), нельзя не отметить, что фигура М.Ф. Орлова дана не схематично, однобоко, с учетом классовых симпатий, а объемно, принимая во внимание множество трудностей ситуации и времени, в которых оказался главный герой, а главное – неоднозначность его личности.

В статье ««Я» и «Оно» в творчестве Достоевского» [10] мы видим П.С. Попова как литературоведа и психолога, хорошо знакомого с психоаналитическим направлением. Само обращение к творчеству великого русского писателя через теорию З. Фрейда Попов объясняет так: «Мне интересно это лишь постольку, поскольку здесь можно найти ключ к пониманию творчества Достоевского в целом. Именно: для Достоевского, с моей точки зрения, всякая фабула, всякий сюжет, прежде всего – изображение единого сознания, обьятого какой-нибудь единой мыслью, переживанием или катастрофой. Душа переживает трагедию тонкую и сложную. Как это изобразить? Достоевский не был ученым, не был «психологом», он был прежде всего художником. Он выдвигает свои оригинальные средства изобразительности. Он дробит изображение цельной души на части. Для полноты картины, для четкости анализа он распластывает единую стихию души. Он расчленяет, он распределяет всю полноту внутренней жизни между рядом лиц. Но эти лица – фрагменты единого целого. Если для всякого психолога, учитывающего фактор бессознательного, ясно, что в человеческой личности много разных слоев, что в нас есть начало подсознательное, так сказать, безличное, которое можно назвать «оно» в противоположность «я», то это хорошо знал и, главное, чувствовал Достоевский... Эта заинтересованность «подспудными силами», «темной стороной» человеческой личности и сделало то, что Достоевский поставил ударение на этом «бессознательном» не только в плоскости изображения отдельных характеров, не только в плоскости изображения отдельных личностей: Достоевский перенес эти схемы в самые произведения, применив их при развертывании замыслов и сюжетов своих романов... Достоевский был творцом своеобразных романов, где в центре стоит изображение

судьбы единой, трагически настроенной души. Складки этой души персонифицированы и даны в виде отдельных личностей; но они – только иллюстрация к одной общей теме; это – отдельные аккорды симфонии единого сознания» [10, с. 217–218].

Судьба Алексея Федоровича Лосева – великого философа, знатока античности, символиста и мифолога – благодаря подробным описаниям его биографов известна более других. В 1920-е гг. он работает, как и другие преподаватели, в нескольких образовательных учреждениях: действительный член Государственной академии художественных наук (заведует музыкально-психологической комиссией), профессорствует в Московской консерватории, во 2-м Университете, в Государственном институте музыкальной науки. Будучи штатным членом музыкальной секции академии, заведывая комиссией по изучению эстетических учений философского отделения, он читает доклады на темы, связанные с историей эстетических учений, исторической терминологии, философией искусства, теорией музыки, художественным воспитанием, экспериментальным изучением ритма, психологией художественного творчества и всеобщей литературы. И пишет, пишет... С 1927 по 1930 год Алексей Федорович Лосев издал свое знаменитое «восьмикнижие», восемь книг, чьи заголовки подтверждают «слова Лосева о себе как о философе имени, мифа и числа» [2, с. 86].

Так прошло еще десятилетие, насыщенное научными исканиями, спорами с единомышленниками, десятилетие, сыгравшее важную роль и в становлении новой власти. 20–30-е гг. – период яростной антирелигиозной и антицерковной кампании, которую советская власть вела, широко привлекая ВЧК-ОГПУ. Целью этой кампании было уничтожение церкви и ликвидация религии [11]. Часть священнослужителей и ведомые ими верующие пошли на организацию церкви, активно сотрудничавшей с советской властью и ОГПУ, а другая часть священнослужителей и прихожан оказалась в той или иной форме оппозиции к политике советской власти. Русская православная церковь во главе с патриархом Тихоном, а после его смерти в 1925 г. с заместителем местоблюстителя патриаршего престола митрополитом Сергием долго и поначалу совершенно безуспешно пыталась отстаивать свое законное место в новом государстве, идя на компромиссы. Не все клирики и прихожане соглашались на это – часть церкви ушла

в подполье и потому получила имя «истинно православная церковь», что подчеркивало ее отличие от официальной церкви, пошедшей, по мнению радикалов, на сговор с властью, а потому не являвшейся воистину православной. Складывались православные группы, состоявшие из клириков и мирян, которые отказались признавать боготоржескую власть и религиозная жизнь которых протекала вне официально зарегистрированных храмов.

Одну из самых сплоченных и организованных групп такого рода составляли имясловцы (интерес к имясловию показывал, например, о. П. Флоренский), уже до революции оказавшиеся в особых взаимоотношениях с церковными властями и уже тогда вытесненные из официальной церковной жизни. Позднее по делу имясловцев проходили знаменитый богослов и выдающийся религиозный деятель М.А. Новоселов, известный философ, профессор Государственного института музыкальной науки А.Ф. Лосев и его жена научный сотрудник Астрофизического института В.М. Лосева-Соколова, профессор Д.Ф. Егоров, профессор Московского университета механик Н.Н. Бухгольц, профессор психологии Н.В. Петровский и большая группа профессоров, преподавателей и научных работников, всего 48 человек. Среди прочего организации вменялась в вину активная борьба с коллективизацией, работа по срыву хлебозаготовок, подготовка повстанческого движения с целью свержения советской власти, установление связей с белогвардейскими организациями за границей. Это дело совпало также с «чисткой ГАХН» (1929 г.), где были сосредоточены квалифицированные ученые, фрондирующая «старорежимная» профессура, высокообразованная и широко мыслящая – там работали и А.Ф. Лосев и П.С. Попов.

Профессор философии Лосев Алексей Федорович, профессор психологии Петровский Николай Васильевич, профессор философии Попов Павел Сергеевич в числе большой группы интеллигенции были арестованы весной 1930 г. В дальнейшем их судьбы не пересекались. Лосев был освобожден из лагеря в 1932 г. благодаря ходатайству Пешковой, позже освободили и его жену В.М. Соколову. В течение всей своей долгой жизни А.Ф. Лосев много работал, оставил огромное количество значительных работ по античной эстетике, мифологии и умер в 1988 г. ученым с мировым именем. П.С. Попов под арестом был около двух месяцев – срок для тех лет маленький. Хлопоты его жены А.И. Толстой (внучки Л.Н. Толстого) увенча-

лись успехом – Попова высылают из Москвы на 3 года в Ленинград. Он много занимается литературоведением, историческими исследованиями, архивом Толстого, хранит бумаги М.А. Булгакова (благодаря Попову сохранилась часть наследия писателя). В 1944 г. стал заведующим кафедрой логики в Московском государственном университете. Скончался 31 января 1964 г. в Москве. Похоронен на Ваганьковском кладбище. Автор многих статей и нескольких книг, в том числе вузовского учебника «Логика» (1960) и посмертно изданной монографии «Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения» (1974). О судьбе Николая Васильевича Петровского после ареста и отправки его в лагерь 9 октября 1930 года с формулировкой «на 10 лет» больше ничего не известно.

Три блестящих ученика челпановской школы работали в Нижегородском университете, их пребывание в Нижнем Новгороде было недолгим, но университет с гордостью помнит о них.

Список литературы

1. Чернов А.П. Ученики Г.И. Челпанова на педагогической работе в Нижегородском университете // Актуальные проблемы психологии образования: Материалы Второй региональной научно-практической конференции. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2001. 271 с. С. 252–255.
2. Тахо-Годи А.А. Лосев. М.: Молодая гвардия, 2007. 534 с.
3. ЦАНО. Ф. 377. Оп. 1. Ед. хр. 35.
4. Лосев А. Русская философия // Век XX и мир. 1988. № 2. С. 36–44; № 3. С. 40–48.
5. Попов П.С. Значение учения Локка о качествах в истории новой философии // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. V. С. 546–581.
6. Попов П.С. Учение Лейбница об апперцепции как обоснование творческого развития психических сил // Вопросы философии и психологии. 1917. Кн. IV–V. С. 37–68.
7. Эфрусси П.О. Успехи психологии в России. (Итоги съезда по психоневрологии в Москве 10–15 января 1923 г.). Петроград, 1923. 37 с.
8. Петровский Н.В. Опыт исследования умственной одаренности взрослых в Америке. М., 1925. 52 с.
9. Попов П.С. М.Ф. Орлов и 14 декабря // Красный архив. 1925. Т. 6. С. 148–173.
10. Попов П.С. «Я» и «Оно» в творчестве Достоевского // Достоевский. Труды ГАХН. Литературная секция. Вып. 3. М., 1928. С. 217–175.
11. Демидов С. Профессор Московского университета Дмитрий Федорович Егоров и имясловие в России в первой трети XX столетия // Историко-математические исследования. Вторая серия. М., 1999. Вып. 4 (39). С. 123–155.

**DEVELOPMENT OF LIBERAL ARTS EDUCATION IN THE UNIVERSITY
OF NIZHNI NOVGOROD FROM 1919 TO 1921**

N.Yu. Stoyukhina

The author describes the period in early 1920s when three young specialists (A.F.Losev, N.V.Petrovsky, and P.V.Popov) came to the University. Later, they became very famous in their respective areas of science: philosophy, psychology and logic.

Keywords: Nizhni Novgorod public university, Psychology institute, G.I.Chelpanov, psychology, psychotechnics, logic, glossology.